

УДК 316.7

Проблема индивидуальности Наполеона в культурно-историческом дискурсе Германии

Фидарова Фатима Казантемировна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры немецкого языка и культуры,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме индивидуальности Наполеона в истории и политической культуре Германии, процессу пробуждения восхищения и осмыслению его ценности. Автор пытается реконструировать этот путь, разделяя его на символическое пространство культуры и пространство истории. Вспышка патриотических настроений в период господства Наполеона над Германией породила также рост национализма, который находит свое отражение в немецкой поэзии. Несмотря на то, что Наполеон хотел уничтожить культурную и политическую независимость германских земель, он стал для многих немцев личностью с выдающимся талантом. Даже Гете решительно не желает анализировать политическое и военное поражение Наполеона, наделяя его непревзойденными качествами великой личности. Анализ исторического интереса к личности Наполеона в Германии показал, что истоки успеха и политического возвышения императора следует искать в индивидуальности исторической личности и политике прогрессивных реформ для немецкого общества. Озарение, давшее Наполеону так много побед, вытеснило даже в умах великих поэтов и исследователей концепцию его поражения. Намеченный нами путь развертывания мотива восхищения включает и анализирует стратегию развенчания постоянного озарения.

Для цитирования в научных исследованиях

Фидарова Ф.К. Проблема индивидуальности Наполеона в культурно-историческом дискурсе Германии // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 5А. С. 200-208.

Ключевые слова

Проблема индивидуальности, пространство истории, демоническое начало, вооруженные силы, государство.

Введение

Ореол, которым журналисты, историки и поэты окружили Наполеона, погружает нас в величие его духа, правдивость его личности кажется нам бесспорной. Однако Наполеон Бонапарт, «чье восхождение от полководца революционной армии до императора французов было предметом пристального внимания и по правую сторону Рейна, стал в первом десятилетии нового века доминирующей фигурой германской истории, от которой зависела дальнейшая судьба немецкой нации» [Данн, 2003, 62]. Причину такого быстрого политического возвышения и неугасающего исторического интереса к личности Наполеона, особенно в Германии, следует искать в индивидуальности его личности.

В нашей истории есть убедительные свидетельства, указывающие на отношение к Наполеону как к захватчику. В истории же Германии в период вторжения Наполеона возникают две исторические проблемы: национализм и восторженное отношение к личности самого императора.

Несомненно, подобное отношение не исключало возникновения патриотизма и достойного отпора французскому захватчику. Однако совершенно очевидно, что этот период является и характеристикой культурной роли Наполеона в Германии, той роли, которую он сыграл в политической культуре немцев. Политическая культура как составная часть общей культуры претерпела изменения, которые немецкими исследователями оцениваются как прогрессивные.

История развития проблемы индивидуальности в литературном дискурсе Германии начинается в 1770-е гг. благодаря появлению литературного течения «Бури и натиска», выдвинувшего в качестве главной категории идею индивидуальности. Произведения самого Гете, относящиеся к периоду «Бури и натиска», в первую очередь «Гец фон Берлихинген» и «Страдания юного Вертера», стали решающим фактором бурного развития концепта самоопределения личности. Они способствовали тому, что идея индивидуальности перешла из сферы философского дискурса в бытовое сознание читателя, в повседневную ментальную практику современного человека.

Поэтому неудивительно, что именно Гете через свой философский и исторический дискурс поможет нам понять концепт индивидуальности Наполеона, процесс расширения его ценности. Анализ Гете обещает нам достоверную истину, поскольку в 1808 г. в Эрфурте произошла историческая встреча великого поэта с великим императором.

Индивидуальность Наполеона в культурно-историческом дискурсе Германии

Проблема углубления индивидуальности Наполеона у Гете наиболее ярко проявляется в «Беседах с Эккерманом», посвященных исторической судьбе императора и полководца. Согласно Гете, успех великой личности невозможен без великого знания свыше, т. е. без демонического начала.

Гете описывает демоническое начало индивида как мгновенную вспышку энергии, погружающую человека в состояние «озарения»: «Судьба человека складывается в зависимости от его просветлений и помрачений! Хорошо, если бы демон-покровитель всегда водил нас на помочах. Но стоит доброму духу покинуть нас, мы бредем на ощупь. Наполеон, вот малый не промах! Все всегда ему было ясно и понятно, никаких сомнений и достаточный запас энергии, чтобы в любую минуту осуществить то, что он считал выгодным и необходимым. Его жизнь

была шествием полубога от битвы к битве, от победы к победе. О нем смело можно сказать, что судьба его стала такой блистательной, какой до него мир не знал, да и после него вряд ли узнает, именно вследствие такого непрерывного озарения» [Эккерман, 1999, 562].

Гете четко подводит нас к мысли о том, что вспышка энергии в индивиде в момент озарения придает демоническому индивиду особую «притягательную силу», способность привлекать к себе других. Таким образом, Гете определяет Наполеона как демонический индивид, но которого демонический дух может покинуть, вследствие чего, разумеется, индивид становится беспомощным и совершает ошибки. Однако следует подчеркнуть, что Гете не дает определения демонического, он лишь пытается описать нам через конкретный образ то, что нельзя выразить языком понятия. «Демоническое – это то, чего не может постигнуть ни рассудок, ни разум. Моей натуре оно чуждо, но я ему подвластен» [Цит. по: Там же, 415]. Что Гете подразумевает под понятием «демоническое», можно уловить также в следующем уточнении: «Мефистофель слишком негативен, демоническое же проявляется только в безусловно позитивной деятельной силе» [Цит. по: Там же, 416]. «Демоническое охотно избирает своим обиталищем значительных индивидуумов, в особенности, если в руках у них власть, как у Фридриха или Петра Великого» [Там же, 418].

Разумеется, Гете прав, выделяя особые, почти божественные качества Наполеона, сопутствующие его громадному политическому и военному возвышению, ибо очевидно, что мгновенное «озарение» помогало ему использовать материальные силы и средства. Однако, согласно Тарле, «и материальных сил, и средств, и времени, и возможностей Наполеону было отпущено для игры его военного гения больше, чем кому бы то ни было из его предшественников по военному искусству. Но, бесспорно, и самый гений его оказался более могучим, чем у кого бы то ни было из них» [Тарле, 1992, 391].

Наполеон умел оценить и приблизить к себе столь же способных людей. «Таланту – широкая дорога! Девиз Наполеона, который обладал исключительным чутьем в выборе людей и каждому умел отвести место, где тот пребывал в своей сфере. Наверно, поэтому всю жизнь, во всех своих грандиозных начинаниях он, как никто другой, был окружен умными и верными исполнителями его воли» [Эккерман, 1999, 566].

Влияние французской национальной революции огромно и до сих пор «определяет нашу политическую действительность» [Данн, 2003, 55]. Данн отмечает, что «в ходе французской революции модель современной нации новейшего времени оформилась в виде централистского унитарного национального государства» [Там же, 56]. Однако «в ходе этой революции возник также милитаристски окрашенный национализм. Ему свойственны экспансионизм и аннексирование» [Там же].

Согласно Данну, очень скоро влияние французской революции слилось в представлении современников с завораживающей личностью Наполеона Бонапарта и с его правлением. «Вышедший из армии, которую создала национальная революция, Наполеон первоначально олицетворял новый уровень военной мобилизации и военного дела, порожденный нацией новейшего времени и ее национализмом» [Там же].

Продолжая эту мысль, Данн подчеркивает, что «для немцев Наполеон стал первым политиком, сумевшим использовать национальную идеологию исключительно в функциональных и пропагандистских целях для укрепления своего господства. Это относится как к области внутренней политики, где эта идеология была использована для того, чтобы узурпировать суверенитет нации, так и к области внешней политики, где она помогла закрепить зависимость завоеванных народов» [Там же].

Необходимо отметить, что «немецкое общество само находилось в стадии пробуждения национального самосознания, когда на примере Франции ему пришлось столкнуться с моделью современного национального государства» [Там же, 57]. У немецкого общества, воспитанного в духе эпохи Просвещения, начало французской революции 1789 г. вызвало, разумеется, восторг и восхищение. «Победа французского гражданского общества, самостоятельно завоевавшего свободу и под знаком прав человека образовавшего нацию, произвела на образованную часть немецкого общества громадное впечатление, а преобразование абсолютистского государства в современное национальное государство стимулировало ее политические надежды на собственное национальное развитие» [Там же, 58].

Но все изменилось, когда «эта нация в 1792 году объявила войну ведущим немецким государствам, затем свергла и казнила своего короля, когда она развернула внутренний террор, а ее войска подступили к Рейну, в Германии начался национальный кризис, и дальнейшее движение в сторону реформ стало невозможно» [Там же]. Сложность этого кризиса заключалась в следующем: «Верховенство Священной Римской империи по-прежнему определяло рамки политического устройства Германии. Великая, так и не решенная проблема ее тысячелетней истории заключалась в необходимости превращения этого средневекового по своей структуре государственного объединения в современное государство» [Там же].

Следует отметить, что Гете и Шиллер, размышляя о будущем своего отечества, не верили в создание единого государства и в одной из ксений указывали: «Германия! Но где она находится? Я не знаю, где искать эту страну. Там, где начинается ученая страна, кончается политическая» [Schillers sämtliche Werke, 1904, Bd. 2, 108].

Однако Фихте в это же время под звуки французских барабанов в своих «Речах о немецкой нации» (1807-1808 гг.) «постулировал государство как необходимость для отдельного гражданина, который реализовывает себя в служении ему» [Крейг, 1999, 30]. Фихте полагает, что любовь к Отечеству должна управлять государством еще и в том отношении, что именно она ставит ему более высокую цель, чем сохранение внутреннего мира, имущества, личной свободы, жизни и благополучия всех. Согласно Фихте, только ради этой высокой цели, а не из других соображений государство должно иметь вооруженные силы. «Когда речь заходит об их применении, когда речь идет о том, чтобы в полном сознании поставить на карту все цели государства: собственность, личную свободу, жизнь и благополучие, даже существование самого государства; и в том, чтобы решиться на это изначальным образом, перед лицом одного лишь Бога, не имея ясного рассудочного понятия о надежной достижимости намерений, чего в вопросах такого рода быть не должно; только тогда у кормила государства живет истинно изначальная и первая жизнь и только здесь выступают наивысшие права правительства – подобно Богу рискнуть низшей жизнью ради высшей» [Фихте, 2009, 199].

Возвращаясь к вопросу о национализме, следует вспомнить, что «французская революция начинается с искренними намерениями и твердой надеждой принести счастье всему человечеству» [Хейзинга, 2010, 261], но Франция начинает «самую банальную и архаическую войну» в Европе [Там же]. Согласно Хейзинге, происходит самое удивительное: «Франция санкюлотов, с ее идеалами братства и человеколюбия, раскрывается вдруг как источник нового иступленного милитаризма, который, взывая к тройному идеалу свободы, равенства и братства, переходит в яростный национализм» [Там же]. Еще одним важным фактором для порождения ответного крайнего национализма в Германии было то, что «поспешно обученные воинскому делу народные массы добились того, что скоро под пятою у Франции оказалось пол-Европы» [Там же].

Таким образом, прав Хейзинга, утверждая, что «примечательной главой в дальнейшем развитии милитаризма в Европе является Французская революция» [Там же]. Национализм переходит в гиперационализм. А гиперационализм, согласно Хейзинге, – это «национальное чувство, не стесненное никакими границами» [Там же, 279]. В этом порыве «собственный народ вдруг стал казаться – и не только в одном очень большом государстве – нормой и высшим идеалом всех устремлений, источником и целью всех прав, всей культуры, всей нравственности и всей мудрости» [Там же].

Опираясь на этот порыв, Наполеон за несколько лет произвел радикальное изменение политической карты Центральной Европы. Северо-западная часть Германии была полностью включена во французскую государственную территорию, средняя часть Священной Римской империи была объединена в «Рейнский союз» государств-сателлитов. Император Франц II в 1806 г. отказался от древней короны германских императоров и «Германия как понятие исчезла с политической карты Европы» [Данн, 2003, 62].

Националистические тенденции найдут свое выражение и у таких немецких писателей, как Арндт, Ян, Клейст. Эрнст Мориц Арндт в своей популярной песне «Vaterlandslied» (Песня об отчизне), написанной в 1812 г., не скрывал своего националистического гнева по отношению к соседу-захватчику. Арндт призывает свой народ к отпору французам и ждет того славного момента, когда наступит великий день всеобщей мести немцев и кровь палачей-французов окропит немецкое железо (mit Blut das Eisen röten, mit Henkerblut, Franzosenblut, o süßer Tag der Rache!) [Prignitz, 1981, 131]. Пригниц подчеркивает, что поэт Арндт «проявил себя как агрессивный поборник национальных идей и не скрывал свою безоговорочную враждебность к французам» [Ibidem].

По меткому выражению Тарле, «кровавая карьера» Наполеона длилась 22 года (с перерывами) – с 17 декабря 1793 г., когда были взяты укрепления Тулона, по 18 июня 1815 г., когда побежденный император удалился с покрытого трупами ватерлооского поля. Тем не менее мы можем говорить о притягательной силе Наполеона в политике Германии.

Согласно Данну, Наполеон проводил не только политику гегемонии, но также и политику реформ: в подвластных ему государствах он модернизировал правовую и административную политику (введение «Гражданского кодекса»), по его инициативе в Германии были разработаны первые современные конституции. Именно эти импульсы были подхвачены теми слоями населения, которые стремились к инновациям [Данн, 2003, 62]. С другой стороны, эта тенденция после падения Священной Римской империи приведет к возникновению «земельного патриотизма» вместо имперского патриотизма, который поможет подготовить и вести Освободительные войны 1813 г. [Там же, 63-68]. Еще один положительный фактор заключается в том, что, несмотря на трагизм войны, «во время Освободительной войны у немцев вновь пробудились мечты об объединении в единое национальное государство» [Там же, 74].

Таким образом, видно, что господство Наполеона в Германии содержало в себе положительные и отрицательные составляющие. Неудержимое стремление патриотических сил создать свое единое государство в Германии после войн с Наполеоном приведет к образованию Германского рейха лишь в 1871 г., однако на протяжении всего этого времени это стремление оставалось ключевым требованием в политической культуре немецкого общества. Этот процесс можно проследить как в литературе и историографии, так и в речах политических деятелей и философов Германии.

Немецкая поэзия как важная часть немецкой культуры раскрыла свою историческую связь с антинаполеоновским освободительным движением. Многие поэты идентифицировали себя с

этой войной и своим патриотическим порывом вдохновили свой народ на героизм и сопротивление. Германские князья, непатриотические силы Германии того времени, которые были готовы служить французскому императору, получили достойный ответ от истинного патриота Шиллера. Поэт тогда заявил, что «честь и величие Германии представляют не немецкие князья» что и «Германская империя и германский народ – это две разные вещи» [Schneider, 1934, 172].

Владычество Наполеона в Германии Меринг, как и Энгельс, считает «историческим прогрессом» для этой страны [Цит. по: Тарле, 1992, 416]. Тарле отмечает, что способность к упорнейшему умственному труду, к долгому размышлению проявились в Наполеоне уже в ранний период [Там же, 7]. Сам Наполеон вспоминал: «Если кажется, что я всегда ко всему подготовлен, то это объясняется тем, что я раньше чем что-либо предпринять, я долго размышлял уже прежде; я предвидел то, что может произойти. Вовсе не гений внезапно и таинственно (*en secret*) открывает мне, что именно мне должно говорить и делать при обстоятельствах, кажущихся неожиданными для других, – но мне открывает это мое размышление. Я работаю всегда, работаю во время обеда, работаю, когда я в театре; я просыпаюсь ночью, чтобы работать» [Цит. по: Там же]. Тарле также говорит о «неповторимом своеобразии и поразительной индивидуальной сложности» Наполеона [Там же, 478].

Историк и философ Д.С. Мережковский в своем исследовании выводит нас на совершенно новый уровень понимания исторической роли Наполеона, указывая на то, что мы не знаем душу Наполеона. Следовательно, без знания его души «неизвестность Наполеона возрастает» [Мережковский, 2018, 7]. Продолжая эту мысль, автор не называет Наполеона миротворцем и приводит нам его слова: «Что такое война? Варварское ремесло. Война делается анахронизмом... Будущее принадлежит миру: некогда победы будут совершаться без пушек и штыков» [Цит. по: Там же, 93]. Однако «легкими могли бы казаться эти слова в устах такого миротворца-идеолога, как Лев Толстой; но в устах Наполеона приобретают они страшный вес» [Там же]. Тем не менее воля к миру и воля к войне у Наполеона для Мережковского являются глубочайшим соединением противоположностей.

В «Беседе с Наполеоном» (Эрфурт, 1808 г.) Гете указывает, что император неодобрительно отозвался о его драмах рока, поскольку «они – знамение темных времен. А что такое рок в наши дни? <...> Рок – это политика» [Гете, 1979, т. 9, 437]. Таким образом, рок, а не собственная воля определял действия Наполеона, ибо он сам признавался: «У меня нет воли. Чем больше человек, тем меньше ему надо иметь воли: он весь зависит от событий и обстоятельств» [Цит. по: Мережковский, 2018, 130]. Это признание о присутствии рока в своей политической и исторической судьбе Наполеон подтверждает сам: «Чего я хочу, куда я иду, - этого я сам не знаю» [Цит. по: Там же].

Если Наполеон не знал своего истинного предназначения и пути, то остается «погоня за каким-то именем», ради которого и используются недозволенные средства. Эта истина в судьбе императора нам близка. Великий Гете напоминает нам, что «имя – это не безделица. Наполеон разнес на куски полмира, чтобы прославить свое имя!» [Эккерман, 1999, 311]. Не следует, однако, забывать о том, что для «создания имени» человеку нужны другие люди. С особой ясностью мы видим, что Наполеон умел распознавать истинные стремления людей и обращать их в свою пользу, поскольку «он был необыкновенным человеком. Но главное, что люди были убеждены – под его властью они достигнут своих целей. Поэтому они и шли за ним, как пошли бы за всяким, кто сумел бы внушить им такую уверенность. Ведь и актеры слепо повинуются новому режиссеру, веря, что он хорошо отработает с ними роли» [Там же, 312]. Продолжая эту

мысль, Гете подчеркивает, что это старая сказка, которая повторяется вечно, поскольку так уж устроена человеческая природа. «Никто по доброй воле не служит другому, но, уразумев, что тем самым служит себе, он уже рад стараться. Наполеон превосходно знал людей и умел обернуть в свою пользу их слабости» [Там же].

Такое понимание индивидуальности Наполеона и раздумья Гете над общей проблематикой «личность (историческая) – имя – успех – люди» обладают высшей степенью современности, поскольку отождествляются с современным геополитическим противостоянием в политическом и социокультурном пространстве нашего кризисного общества. Как известно, в этом противоборстве «политическое имя» и успех практически идентифицируются.

Демоническое у Гете означает, по сути, знание, данное свыше, оно связано с конкретными историческими личностями и привязано к исторической эпохе. Таким образом, у нас достаточно оснований полагать, что поиск души Наполеона означает поиск источника его знаний.

Гете говорит, что демоническое может покинуть личность. Теперь мы определенно можем сделать вывод о том, что демоническое, высшее знание покинет Наполеона, когда он ступит на русскую землю. Великая армия окажется в тисках неприятельского оружия и сурового климата, и большая часть солдат погибнет в холодных степях России. Рок положит конец «кровавой карьере» великого полководца. Гете не называет нам момент утраты Наполеоном высшего, демонического знания, хотя мог бы это сделать как свидетель великой исторической эпохи – 1812 г.

Мефистофель, согласно Гете, не обладает демоническим знанием, но он напоминает нам в «Фаусте» про простую истину, благодаря которой Наполеон сделал себе имя: «Война, торговля и пиратство – вот три вида сущности одной» ибо «в ком больше силы, тот и прав. Никто не спросит: «Чье богатство? Где взято и какой ценой?»» [Гете, 1976, т. 2, 410].

Понятия «имя», «слава» и «война» неразрывно связаны у Наполеона, но их противоречие точнее всех характеризует нам Фауст: «Опять война? Мудрец не любит смут» [Там же, 375]. Однако и путь к славе пролегает через войну, поэтому император в «Фаусте» скорбит об этой славной возможности, которую он безвозвратно упустил:

Когда б от войн меня не отвращали,

Я б славой был теперь уже покрыт [Там же, 382].

Таким образом, проблема индивидуальности Наполеона бросает свет на общую проблематику значимости исторической личности в пространстве истории и в пространстве культуры. Культуру здесь следует понимать как систему, охватывающую самые разнообразные формы и стороны общественных отношений. Пространство немецкой культуры, прежде всего – немецкой поэзии, литературы и немецкой политической культуры, пронизывает пространство истории, оно помогает нам понять трагизм достижения цели через войну.

Заключение

Ценностное и культурно-историческое осмысление роли личности Наполеона для современного общества является актуальным. Культурно-исторический дискурс показал, что концепт индивидуальности Наполеона, процесс наращивания его ценности и расширения в современном геополитическом противостоянии великих держав имеют притягательную силу, поскольку даже для великого Гете император является только победителем с великим именем. Однако все успехи Наполеона закончились роком, ибо лишали личность возможности развиваться и созидать в рамках определенной культуры и пространства истории во благо своего отечества. Это основной итог, который призывает к постижению.

Библиография

1. Гете И.В. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 2. 512 с.
2. Гете И.В. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 9. 466 с.
3. Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770-1990. СПб.: Наука, 2003. 468 с.
4. Крейг Г. Немцы. М.: Ладомир, 1999. 379 с.
5. Мережковский Д.С. Наполеон. М.: Захаров, 2018. 351 с.
6. Гарле Е.В. Наполеон. М., 1992. 640 с.
7. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 350 с.
8. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010. 456 с.
9. Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 685 с.
10. Prignitz C. Vaterlandsliebe und Freiheit. Wiesbaden, 1981.
11. Schillers sämtliche Werke: in 16 Bänden. Stuttgart; Berlin, 1904. Bd. 2.
12. Schneider R. (Hrsg.) Deutsche Größe. Denkmale der Deutschen. Stuttgart, 1934.

The problem of Napoleon's individuality in the cultural and historical discourse of Germany

Fatima K. Fidarova

PhD in Culturology,
Associate Professor at the Department of the German language and culture,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: fidarova@inbox.ru

Abstract

The paper discusses the problem of Napoleon's individuality through the prism of the history and political culture of Germany, the process of awakening admiration and understanding of its value. The author of the article makes an attempt to reconstruct this path, dividing it into the symbolic space of culture and the space of history. The outbreak of patriotic sentiments during the reign of Napoleon over Germany also gave rise to nationalism, which is reflected in German poetry. Despite the fact that Napoleon wanted to destroy the cultural and political independence of the German lands, he became a person of outstanding talent for many Germans. Even Goethe did not want to analyse the political and military defeat of Napoleon, endowing him unsurpassed qualities of a great personality. The analysis of the historical interest in Napoleon's individuality in Germany shows that the roots of his success can be found in the individuality of his personality and the policy of progressive reforms. The enlightenment that let Napoleon taste so many victories has supplanted his defeat even in the minds of great poets and researchers. The way to develop the motif of admiration, proposed by the author, includes and analyses the strategy for debunking constant enlightenment.

For citation

Fidarova F.K. (2018) Problema individual'nosti Napoleona v kul'turno-istoricheskom diskurse Germanii [The problem of Napoleon's individuality in the cultural and historical discourse of Germany]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (5A), pp. 200-208.

Keywords

Problem of individuality, historical space, demonic origin, armed forces, state.

References

1. Dann O. (1993) Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770-1990. München. (Russ. ed.: Dann O. (2003) Natsii i natsionalizm v Germanii, 1770-1990. St. Petersburg: Nauka Publ.)
2. Eckermann J.P. (1836) Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Leipzig: Brockhaus. (Russ. ed.: Eckermann J.P. (1999) Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni. Kaliningrad: Yantarnyi skaz Publ.)
3. Fichte J.G. (1808) Reden an die deutsche Nation. Berlin. (Russ. ed.: Fichte J.G. (2009) Rechi k nemetskoi natsii. St. Petersburg: Nauka Publ.)
4. Goethe J.W. (1976) Sobranie sochinenii: v 10 t. [Collected works: in 10 vols.], Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
5. Goethe J.W. (1979) Sobranie sochinenii: v 10 t. [Collected works: in 10 vols.], Vol. 9. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
6. Huizinga J. (1935) In de schaduwen van morgen. (Russ. ed.: Huizinga J. (2010) Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyi mir. St. Petersburg.)
7. Craig G. (1981) The Germans. Penguin. (Russ. ed.: Craig G. (1999) Nemtsy. Moscow: Ladomir Publ.)
8. Merezhkovskii D.S. (2018) Napoleon [Napoléon Bonaparte]. Moscow: Zakharov Publ.
9. Prignitz C. (1981) Vaterlandsliebe und Freiheit. Wiesbaden.
10. Schillers sämtliche Werke: in 16 Bänden (1904), Bd. 2. Stuttgart; Berlin.
11. Schneider R. (Hrsg.) (1934) Deutsche Größe. Denkmale der Deutschen. Stuttgart.
12. Tarle E.V. (1992) Napoleon [Napoléon Bonaparte]. Moscow.